

* * *

Я хочу тебя встретить одна
в темном парке зеленом.
Вдруг увидеть. Вздохнуть изумленно —
и сначала тебя не узнать.

Вскинуть руки — и вновь опустить.
На минуту застыть в ожидании.
И, как будто при первом свиданье,
путь твой перекрестить.

Я хочу тебя встретить в тиши —
чтоб к любимой груди пристать,
и
чтобы в миг долгожданного счастья
рядом не было
ни души.

КОНЕЦ ПЕСНИ

...кричать, и петь, и помнить:
дрожь и хмель
пути во сне
по краю синего обрыва,
где вся земля — за тридевять земель,
за тридевять небес, простерших крылья...

Небесный лен над пропастью в горсти
зажать — и выпустить лазурью молодою...

Как ветер, ударяющий в ладони,
меж пальцами продрогшими свистит!..

Спешить увидеть небо под собой,
не обольщаясь легкостью паренья
пернатых демонов,
блеснувших опереньем —
и поманивших к бездне голубой...

* * *

У маленьких осин
собрать упрямых веток.
Поставить на окне —
и поиграть в весну:
как будто юный сын
по старому паркету
босой бежит ко мне,
и я к нему тянусь...

И я к нему тянусь
растерянно — и плачу...

Представить так.
Но нет:
я плачу над собой,
у вороха листов,
как девочка...
как мальчик...
Мой черный свет
без слов...

И боль слепа,
как боль.

* * *

Цветы волшебных очертаний
сажала мама у дверей.
Мы пели песни вечерами,
собравшись вместе во дворе...

Девчонкой в мяч играла ведьма,
незлой злодей ловил стрекоз...
Как вдохновенны были дети,
что превратились в стариков!..

Пора безгрешных меценатов,
любви и правды полный мир!
Летучий коник над театром...
Колдун-река: Гвадалквивир...

Где твой вихор, бродяга-братик?
Куда тебя заботы мчат?

На что, сестренка, век истратишь,
как сносишь клеш на помочах?..

Произойдут, как роды, сроки,
измучит бремя похорон;
отравит дальние истоки
немадригальный грай ворон...

Проснется в личике — личина,
прогонит юношеский шиз...
Все станет ровно и причинно.
И обретет название: жизнь.

* * *

Когда я повернусь тому вослед,
что — прожито и полуживо — все уходит
и в зимней памяти земных угодий
рубцом на сердце оставляет след,

душа молчит и слепо ищет путь —
в ночи до дна промерзшая криница:
ни Света нет, Которому молиться,
ни глуби той, в которой утонуть.

И только мука на изломе сил
Да Ты — «...вернись!..» — глядящий издалека.
Под небом с предрассветной поволокой
нептичий зов...

Куда он уносил?

* * *

Не уводи меня, Боже, из хрупкого этого дома
радости, крови, зари, заговоренных уз...
Рона и Слава живут в нем, и Виктор, и Тома.
Таня покойная, Ваня отъезжий — и аз.

Семеро нас. Не кричи под окном, предрассветная птица:
к осени в клетке ручного мы купим щегла —
будет восьмым до весны, а девятым родится,
может быть, Ангел-Хранитель, сияя в углу...

Копья ломать приучая на «сталинской теме»,
нам отказали недавно покос за летейской рекой...
Жили и прежде, прозрев — но в грядущем Эдеме
время подлечит, боюсь, все небывшие наши грехи.

Господи!.. не допусти нас за узкий подлесок прибрежный!
Зá руку бережно сына, Хранитель, по тропке воды.
Если ж уйдем за луга — Ты и там — не отвержи.
Вышли по следу собаку с живою и мертвой водой...